

КОНЦЕПТ «НЕНАВИСТЬ» В СКАЗОЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

М. М. Комарова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 ноября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается реализация концепта «ненависть» в русской сказочной картине мира на примере русских народных сказок. Отмечается, что данный концепт вербализуется с помощью лексем *ненависть*, *ненавидеть*, *ненавистно*, *злоба*, *озлобиться* и др. При вербализации с помощью слова *ненависть* (и однокоренных) концепт проявляется в наибольшей степени. В этом случае в сказках говорится об абсолютно деструктивном чувстве, направленном со стороны отрицательного персонажа в сторону полностью положительного. Чаще всего объектом ненависти становится юная невинная девушка, не защищённая (полностью или временно) родителями или мужем. Ненависть обязательно деятельна, она реализуется посредством агрессии, как через поступки, так и вербально. Герой, испытывающий ненависть, в сказках обязательно карается, а объект ненависти в финале сказки обретает спасение и счастье.

Ключевые слова: концепт «ненависть», русская сказка, фольклорная концептосфера, сказочная картина мира, А. Н. Афанасьев.

Abstract: the article discusses the implementation of the concept of "hatred" in the Russian fairy-tale picture of the world on the example of Afanasyev's fairy tales. It is noted that this concept is verbalized with the help of the lexemes *hate*, *hateful*, *anger*, *embittered*, etc. When verbalizing with the word *hate* (and the same root), the concept is manifested to the greatest extent. In this case, fairy tales speak of an absolutely destructive feeling directed from a completely negative character towards a completely positive one. Most often, the object of hatred is a young innocent girl who is not protected (completely or temporarily) by her parents or husband. Hatred is necessarily active, it is realized through aggression, both through actions and verbally. It is concluded that a hero experiencing hatred in fairy tales is necessarily punished, and the object of hatred in the finale of the fairy tale gains salvation and happiness.

Keywords: concept "hatred", Russian fairy tale, folklore concept sphere, fairy-tale picture of the world, A. N. Afanasyev.

В русской сказке сконцентрирована культура русского народа, отражается его история, проявляются черты менталитета. Этот неисчерпаемый источник народной мудрости заключает в себе сказочную картину мира как «поликодовый лингвокультурный феномен, представляющий собой идеализированный образ ирреального, подобного земному мира, описанный с помощью различных лингвокультурных, в том числе фольклорных кодов» [1, 73]. Одной из важнейших составляющих сказочной картины мира, её лингвокультурной основой является концептосфера русской сказки — «когнитивная, системно организованная совокупность мыслительных единиц» [2, 131], или концептов, составляющих культурную и понятийную базу сказочной картины мира. Концепт представляет собой актуальное понятие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Согласно определению С. А. Аскольдова, это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мыс-

ли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3, 269]. Концепт обладает «лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризует носителей определённой этнокультуры» [4, 36]; он связан с языком, в котором находит своё регулярное закрепление и отражение как «совокупность значений, понятий и ассоциаций» [5, 215], возникающих у языковой личности в процессе осмысления и культурной идентификации тех или иных явлений.

Цель статьи — анализ концепта «ненависть» на материале русских сказок, собранных А. Н. Афанасьевым, выявление вербализующих его в сказках лексем и определение роли данного концепта в концептосфере русской сказки.

Концепт «ненависть» анализируется исследователями в контексте тех или иных произведений художественной литературы, например романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» [9] или поэзии А. А. Ахматовой [10]. Данный концепт часто рассматривается в сопоставлении с концептом «любовь»,

с которым он находится в бинарной оппозиции, имеющей «универсальный характер» [11, 1103], а их взаимосвязь «прослеживается на разных уровнях объективации в языке» [12, 155]. Анализ концепта «ненависть» в русской сказке позволит более глубоко проникнуть в особенности русского менталитета, осознать специфику эмоционального восприятия русским человеком реалий окружающего мира.

Лексема *ненависть* в Большом академическом словаре русского языка трактуется как «чувство сильнейшей вражды, неприязни» [13, 985]. Данные этимологического словаря показывают происхождение слова *ненависть* от глагола *ненавидеть*, образованного с отрицанием от *навидеть* в значении ‘охотно смотреть, навещать’, а также родство глаголов *ненавидеть* и *завидовать* [14, 63]. Рассмотрим, каким образом концепт «ненависть» вербализуется в русских народных сказках, собранных А. Н. Афанасьевым.

Средствами вербализации концепта «ненависть» в анализируемых сказках являются лексемы *ненависть*, *ненавидеть*, *ненавистно*, *злоба*, *озлобиться*, *завидовать*, *позавидовать*, *завидно* и др.

Лексема *ненависть* и производные от неё (*ненавидеть* и *ненавистно*) в каждом случае обозначают сильные негативные чувства, испытываемые отрицательным персонажем по отношению к положительному.

В сказке «Волшебное зеркало» (№ 211) ненависть ощущает дядя, который с «нечистыми думами» «приставал» к юной и прекрасной племяннице, предлагая ей «сотворить грех». Девушка не просто отказала дяде, а «*хватит полный таз кипятку и окатила его с головы до ног*», за что тот затаил обиду: «*Три недели провалялся он, еле выздоровел; страшная **ненависть** грызет ему сердце, и начал он думать: как бы отсмеять эту насмешку?*» [15, 134]. В сказке «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» (№ 262) ненависть испытывают дворовые по отношению к Алёнушке. Это чувство подталкивает их к совершению негативного поступка: «*Вот барин уехал, а эту жену его, Аленушку, дворовые **ненавидели**, взяли привязали ей на шею камень большущий и бросили в реку, а вместо ее другая убралась в ее платье*» [Там же, 331]. В сказке «Косоручка» (№ 279) причиной ненависти становится зависть жены к золовке, которую, по её мнению, больше любит муж: «*Жене **ненавистно** стало, что он приказывает сестре*» [Там же, 376].

В каждом из этих случаев объекты ненависти — героини не просто положительные, а абсолютно невинные, чистые, обладающие самыми лучшими качествами; героини, на стороне которых полностью находится читатель. Ненависть выступает как нерациональное чувство, заставляющее испытывающих его поступать в высшей степени негативно, по сути превращающее их в животных, исключаящее даже самую возможность сочувствия к ним читателей. Ненависть не может быть пассивной: тот, кто её испы-

тывает, стремится действовать — мстить, вредить объекту своей злобы. В связи с этим ненависть, конечно, является движущей силой сюжета: именно дурные поступки, обусловленные ею, служат дальнейшему развитию повествования.

Пострадать при этом может не только объект ненависти, но и другие существа. Например, в сказке «Косоручка» жена, стремящаяся показать мужу, как плоха его сестра, спокойно убивает его любимого коня, чтобы переложить вину на золовку: «*Вот жена это узнала время, в какое быть мужу, входит в конюшню и мужнину любимому коню голову снесла саблей*» [Там же, 377]. Более того, когда у ненавидящей женщины рождается ребёнок, она убивает и его, дабы навредить золовке: «*Она как родила младенца, взяла и голову срубила. Сидит и плачет над младенцем*» [Там же]. Этот пример особенно ярко показывает, что народное сознание отказывает человеку, испытывающему ненависть, в человеческих чувствах, демонстрирует, что ненависть убивает в людях всё гуманное, лишает ума, выводит за границы человеческого сообщества.

Причина ненависти только в одном из описанных примеров хоть как-то понятна: в сказке «Волшебное зеркало» злой дядя пострадал от племянницы физически и решает мстить ей, едва залечив свои раны. В остальных двух сказках ненависть выступает полностью иррациональным чувством, исходящим исключительно из-за собственной испорченности отрицательных героев: и дворовым в сказке «Сестрица Аленушка, братец Иванушка», и жене в сказке «Косоручка» совершенно не за что ненавидеть, соответственно, Алёнушку и сестру мужа. Ненависть по отношению к положительному герою в данных случаях вызывается (и читатель должен это почувствовать) чувством собственной неполноценности, которое испытывают рядом с ними отрицательные персонажи. Они не могут стерпеть, что кто-то рядом настолько превосходит их в красоте/уме/благоденствии и т.п., то есть причиной ненависти выступает зависть.

Интересно и то, что объект ненависти каждый раз — юная девушка. В народном сознании девушка, не имеющая рядом родителей, не вышедшая замуж или на время оставленная родителями/мужем, — наиболее незащищённый и уязвимый член общества, который может быть подвергнут наговорам, оскорблен, оболган. Обидчиком может стать и старший родственник-мужчина («Волшебное зеркало»), и старшая родственница-женщина («Косоручка»), и даже дворовые крестьяне, то есть люди, находящиеся ниже на социальной лестнице («Сестрица Аленушка, братец Иванушка»).

Как видим, чаще всего деяния, совершаемые ненавидящим по отношению к объекту его ненависти, — это наговоры, клевета. В сказке «Волшебное зеркало» наказанный невинной девушкой дядя «*написал к своему брату письмо: твоя-де дочь худыми*

делами занимается, по чужим дворам таскается, дома не ночует и меня не слушает» [15, 134]; в сказке «Косоручка» жена сама совершает негативные действия, в которых обвиняет золовку, — ломает мебель в доме, убивает коня и новорождённого младенца. Лишь в сказке «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» ненавидящие Алёнушку дворовые расправляются с нею. Показательно, что именно в этой сказке людей, испытывающих ненависть, несколько (точное количество не указано), что, по-видимому, и придаёт им смелости, а в двух других сказках ненавидящий один и в качестве оружия он использует слово.

Актуальными средствами вербализации концепта «ненависть» являются также лексема *злоба* и глагольное образование от неё — *озлобиться*. Злобу также проявляют негативные персонажи, которые стремятся нанести вред положительным сказочным героям. В «Сказке про утку с золотыми яйцами» (№ 195) богатый брат позавидовал бедному, которому удалось разбогатеть с помощью волшебной утки: «*Богатый брат позавидовал, озлобился: "Отчего так разбогател мой брат? Теперь я нужнее, а он богаче стал! Верно, какой-нибудь грех за ним водится!" — и пошел в суд с жалобой*» [15, 67]. В данном примере концепт вербализуется также при помощи глагола *позавидовать*.

Лексемы *завидовать*, *позавидовать*, *завидно* часто соседствуют с описаниями ненависти и злобы. Именно зависть заставляет персонажей-антагонистов злиться и ненавидеть, и это нередко становится движущим моментом сюжета. В сказке «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» (№ 215) ладному житью-бытью молодых (купеческого сына Бездолного и его молодой жены) позавидовал «ближний царский воевода» [Там же, 165], и это заставило его отправиться к колдунье и заставить вредить героям. В сказке «Пёрышко Финиста ясна сокола» (№ 235) злые сёстры завидуют героине, она вынуждена странствовать, но всё равно обретает своё счастье. В сказке «Елена Премудрая» (№ 237) «старшее начальство» [Там же, 261] завидует удалому солдату Ивану, решает его извести, и с этого начинаются приключения героя.

Злоба и ненависть заставляют героев сказок совершать чёрные дела, калечить и убивать других персонажей. Например, в сказке «Безногий и слепой богатыри» (№ 199) Елена Прекрасная возненавидела Никиту, который помог царю жениться на ней: «*Страшно она озлобилась и затаила на сердце жестокую месть*» [Там же, 90]. Красавица «*приказала отрубить ему ноги по колена, после положить его в шлюпку и пустить в открытое море*» [Там же], а брату Никиты Тимофею царевна приказала выколоть глаза лишь за это родство.

Любого, о ком в сказках сказано, что он озлобился (испытал злобу), в итоге не ждёт ничего хорошего. В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая»

(№ 222) злобу (ненависть) испытывает морской царь: «*Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую*» [Там же, 200], однако ему не удаётся противостоять счастью Василисы Премудрой и Ивана-царевича, которые в финале сказки оказываются вместе. В той же сказке № 224 «*повар Чумичка пуще прежнего озлобился на Ивана гостинного сына*» [Там же, 212] и оговорил его, однако в итоге сказки повара ждёт смерть: «*Лютые звери тотчас разорвали его на мелкие части*» [Там же, 213], а Иван оказывается счастливым с Василисой Премудрой. В сказке «Царевна-змея» змея признаётся казаку: «*...Я королевская дочь; полюбил меня Кощей Бессмертный, унес от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютый змею*» [Там же, 350]; в финале же девица спасается и становится женой казака. В сказке «Заколдованная королева» (№ 271) на удачливого Ивана купеческого сына «*озлобились... все купцы и мещане*» [Там же, 252], написали на него жалобу и отправили в солдаты, однако в конце сказки Иван одолел всех своих врагов, в том числе «*шестиглавого змея, а вслед за тем и двенадцатиглавого и прославился своей силою и доблестью во всех землях*» [Там же, 359]. В сказке «Марко Богатый и Василий Бессчастный» (№ 306) ненависть испытывает Марко Богатый, когда узнаёт, что другому человеку ангелом небесным обещано его счастье: «*Марко Богатый слушал это под окном и взъелся злобою, что другому дается его талан*» [Там же, 461]. За злобою, как обычно в сказочной картине мира, приходит злодейство: Марко решает погубить мальчика, наделённого его «таланом», причём предпринимает несколько попыток. Конечно, у него ничего не получается, и мальчик остаётся жив и счастлив, а самого Марко сжигают вместо него.

Отличие в использовании различных лексем, вербализующих концепт «ненависть», состоит в том, что в случае употребления основного слова *ненависть* (и производных от него) описывается чувство более сильное, интенсивное, и его обязательно испытывает сказочный персонаж, который, по В. Я. Проппу, является вредителем (антагонистом героя). Его роль в сказке — «нарушить покой счастливого семейства, вызвать какую-либо беду, нанести вред, ущерб» [16, 31]. Объектом ненависти вредителя становится герой (или героиня). Другие лексемы могут описывать и ситуации меньшей эмоциональной интенсивности, и случаи противостояния между собой отрицательных персонажей. Так, возненавидевшая Никиту Елена Прекрасная в сказке «Безногий и слепой богатыри» в целом имеет право на гнев, поскольку Никита помогает её мужу, царю, овладеть ею, вмешиваясь в сакральный процесс испытания сексуальной силы. В данной сказке, по В. Я. Проппу, показаны «бессилие жениха» и «сила помощника» [17, 284].

Сходство в том, что тот герой сказки, который испытывает ненависть или злобу, в итоге всё равно оказывается в проигрыше, несмотря на те злые поступки, которые он совершил против своих врагов. В финале сказки «Безногий и слепой богатыри» Елена Прекрасная наказана смертью, а Никита восторжествовал: «Грозный царь приказал ее расстрелять, а Никиту сделал своим первым министром, всегда его почитал и во всем слушался» [15, 92].

Как видим, несмотря на то, что лексема *ненависть* используется реже, чем другие вербализаторы концепта «ненависть», именно она является основным языковым средством представления этого концепта в русских народных сказках.

Концепт «ненависть» соотносится в концептосфере русской сказки с концептом «зло», составляющим бинарную оппозицию с концептом «добро» и гораздо лучше изученным филологами. По мнению Е. Ф. Косиченко, концепты «добро» и «зло» являются универсальными и отражают общечеловеческие ценности, а «представления о добре и зле, накопленные поколениями (причем не реальные и рациональные, а желаемые и мифические), реализуются в идее о добре» [18, 90]. Если соотносить концепты «зло» и «ненависть», можно заметить, что рассмотренный нами концепт «ненависть» обладает в сказках большей интенсивностью, обозначает наиболее сильное из отрицательно направленных чувств человека, губительно воздействующих на его личность и обязательно приводящего его к краху всех планов.

Итак, концепт «ненависть» обозначает в сказках интенсивное деструктивное чувство, которое испытывают отрицательные персонажи и которое, таким образом, указывает на негативную составляющую их личности. Концепт «ненависть» может вербализоваться в сказках при помощи нескольких лексем, обозначающих чувство вражды (*злоба, озлобиться* и др.), однако основным его вербализатором является слово *ненависть* и производные от него, поскольку они используются в случаях наиболее сильного противостояния между отрицательными и положительными персонажами. В этом случае ненависть обычно направлена на одинокую невинную девицу, не защищенную родственными связями, и проявляется как в губительных для девицы действиях, так и в словах. Ненависть реализуется через агрессию, как посредством поступков, так и посредством оговоров, клеветы. В результате персонажи, которые проявляют ненависть и агрессию, обязательно оказываются наказаны, а те, кто стал объектом их ненависти, побеждают. Согласно правилам, сложившимся в сказочной картине мира, за ненависть и злобу героев ожидает неминуемая кара. Эти чувства воспринимаются как уничтожающие человека, сжигающие его душу, отравляющие его существование.

Перспективы данного исследования состоят в дальнейшем более глубоком анализе концепта

«ненависть» в составе бинарной оппозиции «ненависть — любовь». Выявление роли данных концептов в концептосфере русской сказки позволит более вдумчиво изучить сказочную картину мира и отраженный в ней менталитет русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черноусова И. П. Сказочная картина мира как поликодовый лингвокультурный феномен / И. П. Черноусова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2021. — № 1. — С. 73–76.
2. Горшкова Т. М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки / Т. М. Горшкова, Л. И. Ручина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6–2. — С. 130–135.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267–279.
4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. — Минск: ТетраСистемс, 2005. — 256 с.
5. Крылова М. Н. Концепт «север» в образной системе современного русского сравнения / М. Н. Крылова // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 4. — С. 215–220.
6. Алещенко Е. И. Вербализация концепта «природа» в русской народной сказке / Е. И. Алещенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2005. — № 3 (12). — С. 22–27.
7. Кербс А. М. Реализация концепта «материнство» в дискурсе русских народных сказок / А. М. Кербс // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — 2008. — № 5 (23). — С. 113–116.
8. Фокина А. В. Средства вербализации фольклорного концепта «дочь» (на примере русских народных сказок о падчерице) / А. В. Фокина // Казанская наука. — 2013. — № 5. — С. 136–139.
9. Курдюкова А. А. Концепт «ненависть» как доминанта поведения Ивана Карамазова (по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») / А. А. Курдюкова // Гуманитарные исследования. — 2017. — № 1 (61). — С. 65–71.
10. Ковынёва И. А. Осмысление эмоциональных концептов «любовь» и «ненависть» в поэзии А. А. Ахматовой / И. А. Ковынёва, Н. Э. Петрова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9. — № 3 (32). — С. 265–267.
11. Тепеева Д. Р. Бинарные концепты «любовь / love» и «ненависть / hate (hatred)» в культурологическом, философском и лингвистическом аспектах / Д. Р. Тепеева // Молодой ученый. — 2016. — № 3 (107). — С. 1102–1104.
12. Хутова Э. Р. Концепты любовь и ненависть в русском и английском языках / Э. Р. Хутова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2008. — № 1. — С. 151–155.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 7: Н / Ред. Ф. П. Сороколетов и Ф. П. Филлин. — М.-Л.: АН СССР, 1958. — 1468 стб.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: Муза — Сят / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М.: Прогресс, 1987. — 832 с.

15. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2 / Подг. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. — М.: Гослитиздат, 1957. — 510 с.

16. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — М.: Наука, 1969. — 168 с.

17. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп; научн. ред., коммент. И. В. Пешкова. — М.: Лабиринт, 2000. — 336 с.

18. Косиченко Е. Ф. Концепты «добро» и «зло» и их отражение в прецедентных текстах (на материале сказок) / Е. Ф. Косиченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2009. — № 557. — С. 82–91.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Комарова М. М., аспирант Института филологии

E-mail: martr1@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shanskiy

Komarova M. M., Postgraduate Student of the Institute of Philology

E-mail: martr1@mail.ru